

СМУТНЫЙ

Совсем недавно в заметке о фильме «Чувствительный милиционер» (см. «МН» №14) я писал о ностальгии по утраченному советскому наследию, которая в ближайшем будущем захлестнет нашу культуру. После передачи Леонида Парфенова о Людмиле Зыкиной «Портрет на фоне» можно сказать, что ближайшее будущее уже наступило.

Одна нелюбовь к излишней категоричности мешает мне назвать Парфенова и самым умным, и самым профессиональным, и самым талантливым ведущим нынешнего ТВ. Понятно, что один из лучших наших телекомментаторов взялся за Людмилу Зыкину не для того, чтобы махать перед ее носом «Словом к народу», которое украшает подпись певицы. И не для того, чтобы с простодушным либеральным пафосом обличать Зыкину как столп брежневского коммунизма. И не для того,

чтобы противопоставлять ее советскую народность некоей подлинной, деревенской. Хотя все эти мотивы нашли в передаче и свое место, и свое опровержение. Сделанный с обычной для Парфенова внешней динамикой и таким же обычным для него внутренним спокойствием. «Портрет на фоне» сторонится каких бы то ни было эмоциональных всплесков. И сам ведущий, и призванные в передачу Градский с Троицким говорят непредвзято и конкретно, стремясь не к оценочности, а к точности. Так что звучит ключевое для зыкинской поэтики слово: мешанская.

Над словом этим, произнесенным Артемом Троицким, опять-таки не витает оценка, тем паче брань. Оно лишь указывает на то, что Зыкина — певица не деревенская и не городская, а пригородная. Пригород, волею судеб возведенный в государственный статус, и есть образ брежневской культуры в исполнении Людмилы Зыкиной. Образ, который она воплощает всем своим существом и на редкость цельно: это Новые Черемушки,

ОБЪЕКТ НОСТАЛЬГИИ

перебравшись в Дом на Набережной и самим присутствием сообщившие сталинской статуарности что-то интимное и даже налет анекдота. Не только песни, все в Зыкиной работает на образ; и происхождение — из Черемушек, и обитание — в Доме, хотя и на другой набережной, и величая неподвижность сценического имиджа при задушевной преданности партии, и легендарная связь с Косыгиным, за которой не правда жизни, но правда анекдота. Все это отражено в передаче Парфенова через хронику и монтажные сопоставления, то есть языком телевидения, а не «говорящих голов», как у нас, к сожалению, принято. И потому на экране возникает мир, где и в самом деле текла река Волга, и был свой свет и покой, и проникновенные подмосковные вечера, и утренние переключки молодежных строек, и восемь праздничных дней в году, неизменных, как бадня «оливье» к празднику.

Парфенов не хочет судить Зыкину и ее мир расхожим сегодняшним судом. И он прав. Парфенов готов вос-

хититься могучей поступью новочеремушкинской Вассы Железновой, неизбежностью ее устоев и понятий, верностью своим идеалам. И он опять прав. Можно и восхищаться: все перечисленные качества сегодня — сплошные раритеты. Раритеты вызывают ностальгию, снова оправданную: что прошло, то будет мило. Отменно сделанная передача начинает провисать, когда автор под эстетическую ностальгию подводит политическую базу. И выясняется, что было в той жизни хорошее, называемое нынче плохим. И выясняется, что мы вышли не из «Шинели» Гоголя, а из песен Зыкиной. И не следует притворяться, что еще в детском саду мы знали то, чего не знали. Каждое из этих утверждений, быть может, справедливо, но грешит тем пафосом и оценочностью, которых передача резонно старалась избежать. Полемическая интонация не вяжется с ностальгической. Для зыкинской цельности и законченности, и впрямь неподсудной, неважно, что знали мы или не знали в детском саду, и кто откуда вышел. На отно-

шение к той брежневской реальности, боюсь, влияет реальность нынешняя. В итоге Зыкина зависит от того, как нам нравится Хасбулатов с Бурбулисом. Перепутавшись, политика с эстетикой не поддерживают, а сбивают друг друга.

Здесь проблема, выходящая далеко за пределы одной телевизионной передачи. Проблема, с которой сталкивается культура, избывшая естественные публицистические претензии к прошлому и выпадающая в такую же естественную ностальгию. Но с нашей привычкой ничего не разделять, складывая все в одно большое чувство, мы можем увязнуть в немилосердной путанице. Она нам свойственна. Знаменитые строки Тютчева: «Удрученный ношей крестной, Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь Небесный Исходил, благословляя», — прекрасны как стихи, но когда их переводят на язык политической прозы, получается самое трескучее мессианство. Портрет Брежнева спустя десять лет после смерти вождя — уже стиль, никак не меньше: политиче-

ские претензии к нему бессодержательны. Но сам Брежнев и сто лет спустя будет только государственным деятелем, ничуть не больше: обаяния портрета он не приобрел, меняясь в зависимости от подвижной конъюнктуры эпохи. И только. Художественные законы на него не распространяются. Словом, то, что хорошо в поэзии, неуместно в политике. И мне кажется, это изображение верно для любого времени и любой ностальгии.

Александр
ТИМОФЕЕВСКИЙ

«...А мне 17 лет».